

Т.В. Тишкина

Вклад краеведа Степана Ивановича Гуляева в археологическое изучение Алтая*

Знаком археологии Алтая считается краевед Степан Иванович Гуляев [1, с. 66], который родился 28 июля 1806 г. в семье унтер-шихтмейстера И.П. Гуляева, в с. Алейском Кольвано-Воскресенского горного округа [2, л. 15]. Домашним образованием мальчика занималась мать – Дарья Степановна. Именно она сумела привить сыну интерес к русскому фольклору и истории. В 1819 г. Степан Гуляев поступил в Барнаульское горное училище. После учебы он был принят старшим писцом в Горное отделение Кабинета Его Императорского Величества [3, л. 37] и в 1827 г. выехал к месту службы в Санкт-Петербург. В столице С. Гуляев занимался самообразованием, изучая естественные науки, историю, этнографию, языкознание, а также посещал музеи, библиотеки и вечерние классы Академии художеств [4, с. 7; 5, с. 79]. Интересуясь фольклорным наследием народа, молодой человек записывал песни, сказки, предания, собирал материалы по истории Сибири.*

В 1840–1850-е гг. в круг общения С.И. Гуляева входили писатель-фольклорист П.И. Якушкин, литературный критик В.Н. Майков, издатель «Отечественных записок» О.И. Сенковский [4, с. 8; 6, с. 66] и славист И.И. Срезневский [7, с. 158]. И.И. Срезневский возглавлял кафедру славяноведения Петербургского университета и читал курс «Славянские древности VI–XII вв.» [8, с. 5]. Вероятно, под его влиянием С.И. Гуляев заинтересовался изучением археологических памятников. За необходимой информацией он обращался к своим сибирским корреспондентам. Так, в письме С. Симахина от 15 декабря 1852 г. из Барнаула к Степану Ивановичу содержится упоминание о материалах «...для статьи по части этнографии и археологии» [9, л. 13]. Значительной работой, основанной на полученных от корреспондентов материалах о первобытных памятниках Сибири и Средней Азии, стали «Заметки об Иртыше и странах им орошаемых» [10], где исследователь отмечал «глубочайшую древность» истории указанного региона.

Степану Ивановичу приходилось бывать на Санкт-Петербургском монетном дворе, где осуществлялось опробирование поступающего в казну золота. Благодаря служебным обязанностям он имел возможность осматривать и доставленные сюда древние металлические предметы, случайно обнаруженные

на землях царского Кабинета. Так, например, в 1854 г. крестьянин Убинской волости Бийского округа при сооружении на пашне избушки нашел в земле, между сложенными в виде ящика плитами, «перержавившие вещи». Оказалось, что некоторые предметы из меди сильно окислились, другие сохранились лучше, так как были покрыты «...изломанными золотыми пластинами» [11, л. 9]. Находки были отправлены в Санкт-Петербург в Горный департамент. Министр, граф Перовский, осмотрел данные предметы. Из-за плохой сохранности он счел их непригодными для размещения в Археологическом кабинете и распорядился отправить на монетный двор для переплавки. Заинтересовавшийся находками, С.И. Гуляев отметил в своих записях, что «...большая часть этих вещей представляла... украшения одежды». Некоторые из сохранившихся предметов были выполнены из медных «...толщиною в гусяное перо» проволоки, согнутых «...спирально в виде конических блях» [12, л. 3]. Выявить точные формы других предметов С.И. Гуляеву не удалось, однако он предположил, что золотые пластинки могли быть обломками плоских браслетных колец.

Информация о древних памятниках поступала к Степану Ивановичу от А.С. Попова, владельца завода по выплавке серебро-свинцовых руд. На основе этих сведений С.И. Гуляев подготовил сообщение «О древностях, открываемых в Киргизской степи» и отправил его в Императорское Русское географическое общество (ИРГО). В июне 1853 г. Совет общества выразил автору благодарность за его работу [13, л. 18]. Впоследствии данное сообщение было опубликовано [14].

Благодаря профессионализму и трудолюбию служебная карьера С.И. Гуляева складывалась благополучно. В 1846 г. он был переведен столоначальником в отделение частных золотых промыслов Министерства финансов, а в 1859 г. назначен советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления. Семья Гуляевых переехала в Барнаул.

Сибирский период (1859–1888 гг.) стал самым плодотворным в деятельности Степана Ивановича. С течением времени он становится сотрудником 11 научных организаций: Русского энтомологического общества, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Берлинского географического общества, Российского общества садоводства и др. Трудно перечислить все области научных

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-5400.2008.6. «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

знаний, которыми интересовался С.И. Гуляев. Он продолжал пополнять свое собрание фольклора, занимался сбором материалов для задуманного труда «Историко-статистическое описание Барнаула», увлекался коллекционированием палеонтологических и минералогических находок. Благодаря энергичной деятельности и умению мобилизовать для научного поиска людей С.И. Гуляевым была создана обширная сеть добровольных информаторов среди священников, крестьян, купцов и чиновников, проживавших как на территории Алтайского горного округа, так и за его пределами. От своих корреспондентов Степан Иванович регулярно получал самые разнообразные сообщения, в том числе о случайных археологических и палеонтологических находках. Например, в октябре 1867 г. управляющий казенными золотыми приисками Ф.Ф. Корженевский сообщил С.И. Гуляеву о находках костей ископаемых животных на Спасском прииске, расположенном на р. Сокол (приток Кондомы), и на Комиссаровском прииске, действовавшем на р. Таза-се [13, л. 95–96]. Впоследствии Ф.Ф. Корженевский передал Степану Ивановичу обломки древних предметов из меди, собранных на нескольких золотых разработках, а также найденный на Бутогоринском прииске свинцовый шарик и выполненные из того же металла бусины.

В ноябре 1868 г. крестьянин Мунгатской волости Барнаульского округа Александр Худяков доставил С.И. Гуляеву зуб мамонта и указал место обнаружения останков древнего животного. В том же году краевед получил два человеческих черепа, имевших следы обработки в виде сглаженных краев и круглые отверстия «величиною с горошину» в лобной части. Их обнаружили в Семипалатинской области на Николаевском прииске г. Касаткина под золотоносным пластом на глубине 3,91 м. Черепа располагались в 10 м друг от друга. Там же были встречены «...наконечники стрел и копий и обломки медных вещей». Степан Иванович предположил, что черепа употреблялись в качестве чаш для питья и находились в прииске «с самой глубокой древности» [1, с. 67; 13, л. 110, 262].

В октябре 1870 г. из с. Бердского от мирового посредника П участка Алтайского горного округа Шавровского С.И. Гуляев получил сообщение о том, что «...у крестьянина Ординской волости оказались какие-то пластинки». Вскоре эти медные вещи были доставлены Степану Ивановичу. Он заинтересовался находками и обстоятельствами их обнаружения. В результате длительной переписки с Шавровским ему удалось выяснить, что житель д. Елбанки крестьянин Александр Черковский, копая яму на территории своей усадьбы, случайно обнаружил древнее захоронение и извлек три медные пластинки, находившиеся рядом с черепом [13, л. 139–141]. По предположению С.И. Гуляева, пластинки могли быть частью украшения.

Степан Иванович был убежден, что древние предметы, находившиеся в частных собраниях и недоступные для исследователей, «...утрачены для науки», и стремился сделать достоянием научных обществ имеющиеся у него археологические и антропологические материалы [11, л. 9]. Так, только в течение 1868–1870 гг. С.И. Гуляев отправил в распоряжение ИРГО железный кинжал, обнаруженный в кургане у д. Курьи; медные пластины, найденные А. Черковским; китайские монеты, выпавшие у подошвы кургана близ с. Спирино; три наконечника «чудских стрел» и другие археологические предметы, а также человеческие черепа, обнаруженные на Николаевском прииске, и кости человеческих скелетов, встреченные в золотых разработках на Алтае [13, л. 86, 110, 138, 144–145].

В последующие годы С.И. Гуляев продолжал регулярно направлять в различные научные общества археологические и антропологические материалы, полученные от своих корреспондентов. Так, в марте 1874 г. он отослал в музей ИРГО части панциря, обнаруженные в размытом рекой кургане в верховьях Катуня. В сопроводительном письме Степан Иванович отметил мастерство отделки металлических пластинок и их крепления, а также высказал мнение о китайском происхождении панциря [13, л. 266].

В апреле 1875 г. С.И. Гуляев получил задание от секретаря антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Д.Н. Анучина о сборе разнообразных археологических, антропологических и этнографических материалов. Краеведу рекомендовалось отправлять в адрес организации черепа и другие кости человеческих скелетов с описаниями обстоятельств их нахождения, а также археологические предметы, вещи домашнего обихода инородцев и т.д. Дмитрий Николаевич указал, что особый интерес представляют материалы, полученные с территории Бийского и Минусинского округов. В результате С.И. Гуляев отправил в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии множество разнообразных материалов [15, л. 35].

Степан Иванович стремился собрать как можно более полные сведения, касавшиеся обстоятельств обнаружения того или иного древнего предмета. С этой целью он составлял специальные перечни вопросов. На основе собственных наблюдений и многочисленных материалов, полученных от своих корреспондентов, С.И. Гуляев подготовил рукописные работы: «Раскопки древних курганов юга Сибири»; «О буграх или курганах в Сибири»; «Заметки о чудских буграх» [11; 12; 16]. В одном из его писем к секретарю ИРГО барону Ф.Р. Бэру содержатся упоминания о подготовленной рукописи «...о чудских буграх» и о возможности ее издания в трудах общества [13, л. 131]. Однако задуманная публикация не была осуществлена. Цель

работы «Заметки о чудских буграх» заключалась в составлении перечня сведений об археологических памятниках и введении его в научный оборот.

В своих рукописях Степан Иванович указывал, что одиночные курганы и курганные группы встречались по всей территории Алтайского горного округа. При этом наиболее плотно они располагались в Барнаульском, Бийском, Кузнецком и Томском округах. Для более подробного исследования С.И. Гуляев выделил на территории Алтайского округа три района: восточный, северный и западный.

1. Восточный район занимал правобережье Оби до Салаирского кряжа и р. Томи. На указанной территории С.И. Гуляев отметил памятники у восьми населенных пунктов. Наиболее значительной являлась курганный группа у д. Таскаевой. Она располагалась на берегу Чумыша на площади, окруженной с четырех сторон рвом, и объединяла до 200 объектов. Несколько курганов были раскопаны местными крестьянами. Среди находок Степан Иванович указал кости человеческих скелетов, медные предметы, стремена и удила. Другая многочисленная курганный группа располагалась между деревнями Черемухиной и Малой Калтайской. Она включала около 50 объектов, из которых дождями вымывало «...горшки, стремена и удила». Группа из 20 невысоких курганов была отмечена в окрестностях пруда Гурьевского завода. Следующий памятник из 20 объектов находился в окрестностях д. Беловой. Курганный группа была зафиксирована у с. Бедаревского Байчатской волости. Диаметры данных сооружений достигали от 2 до 5 сажень (от 4,26 до 10,67 м) при высоте до 1 аршина (71,12 см). В курганах находили предметы и украшения конского снаряжения, выполненные из меди. Кроме того, Степан Иванович указал наличие курганных групп у деревень Бобровка, Подволочная и с. Тогул. По его сведениям, древние объекты располагались близ Сузунского завода и окрестных деревень. Краевед отметил и одиночные курганы значительных размеров у сопки Копна, в окрестностях д. Горскиной Касьминской волости, у сопки Медвежьей на берегу Берди, между деревнями Суенга и Мостовая. По мнению С.И. Гуляева, территория распространения курганов к северо-востоку от Оби ограничивалась началом расположения черневой тайги и горных хребтов.

2. Северный район простирался по левому берегу Оби от г. Барнаула к северо-западным рубежам округа. Рассматривая данную территорию, С.И. Гуляев отмечал, что «... на всем пространстве Кулундинской степи, между Чанскими озерами и бором, который идет через всю степь от Иртыша к Оби, разбросаны одинокие насыпи и группы бугров». Значительные по количеству скопления курганов встречались по обеим сторонам дороги на девятом километре из Барнаула на станцию Гоньба, на Туриной горе, в окрестностях д. Стуково. Между с. Батурово и д. Мезенцево рас-

полагалось более 50 курганов, два из которых выделялись значительными размерами. Другая группа курганов находилась между селами Батурово и Идолово. Курганный группа из 15 объектов зафиксирована в 15 верстах (16 км) от с. Тюменцево по направлению к д. Андронову. Множество курганов было рассеяно по территории Верхне-Кулундинской волости. Они имели небольшие размеры и располагались на возвышенных местах по берегам озер. Были отмечены три крупных кургана. Один из них назывался «Мокрый». Он находился между деревнями Корчино и Ермачихой. На расстоянии 10 верст (10,67 км) от него располагался курган «Кокуй». Его высота достигала 4 сажень (8,53 м). Курган «Большой» имел в диаметре 30 сажень (64 м) и находился в 32 верстах (34,14 км) от д. Гонохово. Около указанных курганов встречались объекты меньших размеров.

Особое внимание С.И. Гуляев уделил описанию большого надмогильного сооружения, встреченного в Бурлинской волости. Курган находился на болотистом лугу в окрестностях д. Масляхи. Ров вокруг него не прослеживался, однако были зафиксированы остатки гати, проходившей от окраины увала до кургана. С.И. Гуляев предположил, что грунт для сооружения курганный насыпи доставлялся по гати со склона близлежащего холма.

В своих записях Степан Иванович отметил, что в Кулундинской степи на вершинах некоторых курганов стояли каменные изваяния, которые местные крестьяне называли «идолами». По сведениям краеведа, одна из деревень даже получила из-за этого название Идолово.

3. Южный район простирался от Барнаула к юго-западным границам округа. По дороге из Барнаула в Змеиногорск группа невысоких курганов прослеживалась у д. Бельмесево. До 100 курганов располагалось только у дороги, соединявшей станции Шадрино, Калманка и Чистюнька. Среди них своими размерами выделялся курган, находившийся в 20 верстах (21,3 км) от станции Калманка по направлению к одноименной речке. Он был окружен рвом и имел диаметр около 17 сажень (36,6 м). Значительное количество курганов, по сведениям С.И. Гуляева, фиксировалось на равнинном пространстве между Алеем и Чарышом. Так, например, в окрестностях д. Курья находилось несколько курганных групп, состоявших из 5–6 объектов каждая. Степан Иванович представил достаточно подробное описание расположения археологических объектов в окрестностях Локтевского завода. Там курганы фиксировались во всех направлениях. Они встречались, например, в 60 верстах (64 км) к западу по дороге к д. Оловянной. В 19 верстах (20,3 км) к северу по дороге к д. Половинкиной на высоком увале располагалась курганный группа «Злыдыри», состоявшая из семи объектов. В 20 верстах (21,3 км) на северо-восток близ урочища Черный Камень

находилась группа больших курганов. Диаметр некоторых из них достигал до 25 сажень (53,3 м), высота до четырех сажень (8,5 м). Курганы встречались в 25 верстах (26,7 км) на восток по дороге к д. Мусорной. Множество курганов различной величины было рассеяно по берегам Устьянки и Солонówki. В 60 верстах (64 км) от Локтевского завода по дороге к Николаевскому руднику на берегу Золотухи находился курган «Золотарь». Степан Иванович указал, что в его насыпи имелась глубокая яма, на дне которой просматривались каменные плиты. В окрестностях Николаевского рудника в 6 верстах (6,4 км) к северо-востоку располагалась группа из пяти курганов. В насыпи одного из них находилась яма, на дне которой виднелись части могильной конструкции, состоявшей из каменных плит. Группы курганов встречались между Николаевским и Таловским рудниками. Насыпи состояли из каменных плит и булыжников, покрытых наносами песка и почвы. Множество курганов располагалось по обеим сторонам дороги из Семипалатинска в Усть-Каменогорск.

Степан Иванович отметил, что величина насыпей земляных курганов была различной: одни едва возвышались над поверхностью земли, другие представляли собой целые холмы. Кроме того, в насыпях многих погребальных объектов прослеживались западины. Считалось, что они образовались в результате грабительских раскопок. Однако личные наблюдения позволили краеведу усомниться в однозначности этого предположения. Он считал, что первые русские переселенцы в Сибири действительно иногда занимались раскопками курганов, но осуществлять такие работы в отношении множества памятников первоначально было невозможно из-за малочисленности русского населения и постоянных угроз нападений со стороны кочевых племен. Впоследствии самовольные раскопки были запрещены государственными законами. По мнению С.И. Гуляева, удобнее всего было бы осуществлять грабительские раскопки, продвигаясь от края насыпи к середине кургана, а не вынимая на поверхность значительные объемы грунта в центре объекта. Данные наблюдения и анализ результатов раскопок на Туриной горе, осуществленных в 1861 г. доктором Мейнье и бароном Эйхталем, когда в центре курганных насыпей виднелись впадины, а положение костей скелетов и наличие погребального инвентаря в могилах отрицало грабительское проникновение, позволили Степану Ивановичу высказать предположение, что впадины на низких курганах возникли «...от осадки земли над согнившими покойниками и срубам, которые над ними делались из дерева» [16, л. 16].

В настоящее время особое значение имеют сведения об археологических раскопках, представленные в трудах С.И. Гуляева. Так, например, краевед использовал поступившую к нему от горного чиновника

В.М. Попова информацию о том, что горным инженером А.Б. Остермейером в 1840-х гг. проводились разведочные работы между Змеиногорским и Петровским рудниками на Мельничьей горе. При выполнении нескольких разрезов там был вскрыт курган, в котором обнаружили могильную конструкцию из гранитных плит с двумя отделениями. Сверху находились плиты перекрытия, которые переломились под тяжестью наброски. В одном из отделений были найдены кости скелета человека. По наблюдениям В.М. Попова, умерший «...положен был между деревянными досками». В погребении обнаружили медный нож, а также стрелы с медными наконечниками и некоторые другие вещи. В другом отделении находились кости скелета лошади, «...остатки седла и все принадлежности конской сбруи». По утверждению В.М. Попова, медные предметы имели хорошую сохранность, словно были «...покрыты каким-то составом». Кроме того, сохранилось «...острие деревянной стрелы». Впоследствии находки хранились у А.Б. Остермейера. В.М. Попов передал С.И. Гуляеву план могилы и рисунки найденных вещей, выполненные в натуральную величину. Степан Иванович сожалел, что не было зафиксировано положение покойника и не измерена длина скелета [11, л. 7–8; 12, л. 1].

Степан Иванович описал результаты раскопок, предпринятых в сентябре 1861 г. доктором Мейнье и бароном Эйхталем вблизи Барнаула. Также сведения о раскопках нескольких курганов на территории Алтайского горного округа сообщил С.И. Гуляеву горный ревизор Семипалатинской области А.И. Габриель. Он указал, что при вскрытии кургана, расположенного между Николаевским рудником и д. Шемонаихой, были обнаружены кости скелета человека и металлические предметы: удила, «...сосуд в виде рюмки с отломанным дном». Другой курган находился близ Зырянского рудника. Он имел высоту два аршина (1,42 м). При раскопках оказалось, что могила «...была выложена и покрыта сверху камнями» [12, л. 2]. По сведениям С.И. Гуляева, Алтайский отдельный заседатель Москалев раскопал курган в окрестностях с. Усть-Кан Ануьской волости. Им были найдены железные стремена, удила и «...три копыща» [17, л. 2].

Степану Ивановичу удалось собрать некоторую информацию о раскопках, осуществленных крестьянами. Так, в Чумышской волости близ д. Подволочной Т.А. Трутнев вскрыл небольшой курган, где обнаружил кости человека и медную пряжку [16, л. 2]. По сведениям, предоставленным С.И. Гуляеву А.И. Габриелем, из курганов в окрестностях Сузунского завода местными жителями было добыто много золотых и серебряных предметов. Так, крестьянин Мильников в насыпи одного из курганов встретил конструкцию из каменных плит, а внутри нее обнаружил «...металлическую чашу или вазу, весьма ярко вызо-

лоченную». В другом кургане была найдена золотая фигурка ящерицы «... с раздвинутыми в разные стороны четырьмя лапками, в таком виде как бы раздавленная». Размеры фигурки достигали 5 вершков (22,2 см). Степану Ивановичу было известно о находке седла, украшенного жемчугом [12, л. 5–7, 43].

В своих трудах краевед обращал внимание на происхождение названий некоторых курганов. Как правило, местные жители применяли в отношении археологических объектов значительных размеров имена собственные: «Мокрый», «Кокуй» и т.д. В названии «Большой» отразились значительные размеры кургана. В окрестностях Локтевского завода курганная группа из семи объектов называлась «Злыдыри», потому что при трудоемких раскопках местным жителям не удалось там обнаружить ценных предметов. В кургане, расположенном у р. Золотухи, якобы было найдено множество предметов из золота. Ввиду этого курган получил название «Золотарь» [16, л. 5, 8].

Степан Иванович отметил распространение в крестьянской среде суеверий по отношению к древним памятникам. Несмотря на это, население использовало археологические предметы в быту, а древние памятники приспособлявали под различные нужды. Со слов жителей Алтайского горного округа Степан Иванович Гуляев зафиксировал несколько вариантов предания о происхождении курганов.

Обращаясь к истории дорусского населения Алтая, С.И. Гуляев поставил под сомнение распространенную в то время теорию о «чудско-финской» принадлежности алтайских древностей. По мнению краеведа, слово «чудь» имело славянское происхождение и поэтому не могло быть самоназванием древнего народа, проживавшего на территории Сибири. Степан Иванович был убежден, что территорию Алтая заселяли тюркские и монгольские племена. В качестве доказательств рассматривались указания китайских письменных источников, а также сведения первых русских поселенцев, которые «...нашли на всей территории Западной Сибири до Енисея остатки Тюркского племени, а в Алтайских горах и за Иртышом в Усть-Каменогорске монголов, называемых калмыками» [12, л. 10–13].

Принимая во внимание, что погребальный обряд является одним из этнических признаков, Степан Иванович указывал на необходимость его изучения. «Отчетливое исследование древних могил, бугров и вообще памятников в Сибири... более всего может содействовать положительному разрешению вопроса о том, какие именно... обитали народы древнего мира», – писал С.И. Гуляев [12, л. 14].

В своих трудах С.И. Гуляев уделил внимание тем наскальным изображениям Алтая, информация о которых отсутствовала в работах П. Палласа, Г.И. Спасского и других исследователей древностей Сибири. Так, по сведениям краеведа, в Бийском округе в трех

верстах (3,2 км) ниже д. Сибирячихи по течению Ануя в 50 сажнях (106,68 м) от берега была расположена пещера. Слева от входа в нее на гладкой стене была «иссечена надпись», размером занимающая площадь более половины аршина (35,56 см) в ширину и в длину до 1,5 аршина (1,06 м). Строчки надписи располагались горизонтально, «... буквы или знаки величиною около одного вершка». Кроме того, Степан Иванович указал на существование выполненных на камне надписей и изображений марала, медведя, собаки и других животных. Они были встречены в Ануйской волости у д. Таурак, недалеко от берега Чарыша.

Степан Иванович располагал информацией об обнаружении на территории Алтайского горного округа нескольких поселенческих комплексов – так называемых чудских городищ. Краеведу было известно о поселениях, расположенных в Сросткинской волости: одно из них находилось в 10 верстах (10,67 км) от д. Саусканихи; другое – между реками Талой и Березовкой. Три древних поселения были обнаружены в Нижне-Чарышской волости. Два из них находились в окрестностях д. Солдатово. Третье поселение, более значительное по площади, располагалось около оз. Солдатово. Все три указанных объекта были обнесены рвами глубиной от 1 до 1,5 аршина (0,71–1,06 м). Степан Иванович указал, что археологические исследования на городищах не велись [17, л. 2].

В работах краеведа имеются сведения о «чудских копях» – остатках древнего горного производства. По данным С.И. Гуляева, они встречались во многих местах Алтайского горного округа и представляли собой разработки месторождений медной руды. На местах обнаружения данных объектов в XVIII–XIX вв. были открыты рудники в Змеиногорском, Бухтарминском краях, в «Киргизской степи». Степан Иванович отметил, что в некоторых древних разработках встречались кости людей, попавших под обвалы камней, инструменты, остатки плавильных работ [12, л. 26; 16, л. 19].

В конце 1870-х гг. С.И. Гуляев предпринял сбор материалов о каменных изваяниях для продолжения работы над статьей для Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Цель работы заключалась в проведении сравнительного анализа каменных изваяний, обнаруженных в различных местностях, и в выявлении народов, оставивших их. В распоряжении исследователя уже имелись личные наблюдения и некоторые материалы. Степан Иванович зафиксировал нахождение каменных изваяний на территории Алтайского горного округа. Для некоторых он составил подробные описания. Так, например, объект, обнаруженный в Алтайской волости близ с. Туекты, имел следующие параметры: высота два аршина (1,42 м), ширина до половины аршина (0,35 м) и толщина до двух вершков (0,08 м). Изваяние

представляло собой человеческую фигуру, левая рука была опущена, а правая прижата к груди [17, л. 2]. В результате сравнения изображений каменных изваяний из «Киргизской степи» с памятниками из других регионов С.И. Гуляев высказал следующее мнение: «Тип этих памятников древности один и тот же, как и памятников на Алтае и в Южной России, но последние, иссеченные из песчаника, отличаются более тщательною отделкою лиц и украшений» [4, с. 57].

В планы краеведа входило введение в научный оборот археологических предметов, в разное время поступавших в Барнаульский музей. Он предполагал выполнить их рисунки и сожалел, что об обстоятель-

ствах обнаружения многих из них в музее не имелось сведений.

В заключение следует упомянуть, что рукописные труды С.И. Гуляева, где изложены археологические материалы, не были опубликованы и ныне хранятся в архивах. Несмотря на определенные издержки и неточности, они являются важными источниками для всестороннего изучения древней и средневековой истории Алтая. В свое время данные о памятниках, изложенные краеведом, использовались при составлении археологической карты Томской губернии [18, с. 242]. Существует возможность привлечения собранных С.И. Гуляевым сведений и в настоящий период.

Библиографический список

1. Демин, М.А. Первооткрыватели древностей / М.А. Демин. – Барнаул, 1989.
2. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 13.
3. ЦХАФ АК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Словцов, И.Я. Степан Иванович Гуляев : биографический очерк / И.Я. Словцов. – Омск, 1891.
5. Степан Иванович Гуляев // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. – СПб., 1913. – Отд. 2.
6. Троицкий, Ю.Л. О научно-поисковой деятельности С.И. Гуляева / Ю.Л. Троицкий // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: История, филология и философия. – 1985. – Вып. 3, №14.
7. Троицкий, Ю.Л. Алтайский краевед С. Гуляев в гостях у петербургского академика И. Срезневского / Ю.Л. Троицкий // Историческое краеведение: теория и практика. – Барнаул, 1996.
8. Тихонов, И.Л. Начало университетской археологии в России / И.Л. Тихонов // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. – Казань, 2004. – Ч. I.
9. ЦХАФ АК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 31.
10. Гуляев, С. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых / С. Гуляев // Вестник ИРГО. – 1851. – Ч. 3.
11. Российский этнографический музей (РЭМ). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 213.
12. РЭМ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 212.
13. ЦХАФ АК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 216.
14. Гуляев, С. О древностях, открываемых в Киргизской степи / С. Гуляев // Вестник Русского географического общества. – 1853. – Т. VIII. – Отд. VII.
15. ЦХАФ АК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 235.
16. РЭМ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 215.
17. РЭМ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 218.
18. Рафиенко, Л.С. Французская экспедиция 1861–1862 гг. на Алтае / Л.С. Рафиенко // Алтайский сборник. – 2000. – Вып. XX.